

К РОДУ ОТЦОВ СВОИХ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

*Дивны дела твои, и душа
моя вполне понимает это.*

Псалтирь

I

На раннем рассвете, почти в темноте и в густом тумане, привезли из города пожилую черничку и огромный гроб, черный с белыми крестами, который полулежал возле нее в тарантасе, упираясь узким концом в козлы, а широким в полуоткинутый верх. Пустой, по-осеннему мертвый двор усадьбы, по которому туман шел из сада сонным, мрачным дымом, весь серел крупной сизой изморозью. Дом за туманом рисовался темно и смутно, казался нежилым, угрюмым. И зловеще краснели в его дальнем, крайнем окне огни трех свечей. От бессонной ночи черничка и кучер промерзли до костей, похудели, были бледны, безжизненны. Кучер поехал от крыльца к каретному сараю - отпрягать отупевших от долгой дороги, обросших туманом лошадей. Черничка прошла через темные сени и вошла в сумрак, в сонное тепло дома. Девка, спавшая на конике в прихожей, испуганно вскочила и села, ничего не понимая. Но через минуту она уже говорила оживленным и дружественным шепотом, помогая черничке раздеваться и расспрашивая, очень ли та озябла, когда выехали из города и сколько дали за гроб. Она зажгла и отнесла в зал, где со всех сторон были заперты двери, керосиновую лампу, запалила на окне в прихожей зашумевшую спиртовку... И когда тепло и душисто запахло кофе, черничка, крестясь и садясь за стол, почувствовала несказанную сладость жизни.

Все в доме спали, измученные горем и тем беспорядком, что внезапно воцарился в нем с роковой прошлой ночи.

- И барыня, слава богу, заснули, - шепотом говорила девка, подавая хлеб и масло. - Не приведи бог, как плачут, убиваются!

Черничка, намазывая хлеб маслом, спросила:

- А он где лежит-то?

Девка неопределенно и боязливо кивнула на запертые двери:

- За маленькой гостиной.

- Один?

- Один. Сперва при нем старик был с пашей деревин, да у них молотилка сломалась, он и бросил читать, ушел ее чинить.

Черничка неодобрительно качнула головой:

- Нехорошо. Одному покойнику нельзя лежать...

И она жадно стала пить горячий кофе, поглядывая на эти высокие, таинственно закрытые двери. Он был где-то там, за ними, в глубине дома. Он лежал и ждал се, и в уме уже привычно звучало:

- Как овец, заключает их в преисподнюю... Смерть будет пасти их... Могила жилище их... Он пойдет к роду отцов своих, которые никогда не увидят света...

Огонь в лампе пожелтел, в зале светлело, туман за окнами стал голубой, прозрачный. Вновь наступающий день сулил живым только привычную сладость земных дел и забот. Дня него, для того, кто еще позавчера сидел вот за этим столом, а теперь лежал и ждал черничку, это был последний, самый последний день на земле. Могут потом проходить века, тысячелетия - все равно: его, бывшего хозяина этого дома, уже никогда не будет. Нынче, даже сейчас, как только все проснутся, его навеки, до скончания времен, положат в то, ни на что в мире не похожее, всему миру чуждое и враждебное, что всю ночь тряслось рядом с черничкой в тарантасе, покачиваясь и постукивая в тумане и мраке по осенней